

УРОКИ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

АЛЕКСАНДР ЖОЛКОВСКИЙ

АЙ ДА ФАЗИЛЬ, АЙ ДА ИСКАНДЕР!

Виньетка с примечаниями

Олегу Лекманову

Я очень люблю рассказ Искандера «Пиры Валтасара» и несколько раз писал о нем. И даже попытался проникнуть в тайный смысл его заглавия:

Внутренним импульсом, подсказавшим обращение <...> к валтасаровскому мотиву, могла быть национальность одного из победителей Валтасара:

«И вот что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН. Вот и значение слов: МЕНЕ — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ — ты взвешен на весах и найден очень легким; ПЕРЕС — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам». В ту же самую ночь Валтасар, царь Халдейский, был убит, и Дарий Мидянин принял царство» (*Дан. 5: 25—31*).

<...П>ерсом, паронимастически связанным в библейском тексте с решающим ПЕРЕС, был отец Искандера, высланный в 1938 г. в Персию, когда Фазилу было 9 лет <...>; воспоминаниям о нем посвящен рассказ <...> «Отец».¹

Догадка соблазнительная, хотя, боюсь, недоказуемая (такая уж у нас профессия). Но недавно всплыл дополнительный аргумент в ее пользу.

Перечитывая рассказ Искандера «Чик и Пушкин», я обратил внимание на второстепенный, в общем, пассаж об учителе истории, странность поведения которого Чик (= юное alter ego автора) разгадывает под руководством более наблюдательного одноклассника.

<У>читель рассказывал об одном древнегреческом полководце. Чик <...> взглянул на Севу. <...> Оказывается, Сева уже всю улыбаются и кивает на учителя <...> уже давно видит смешное. Но это был очень хороший учитель,

К 7-летию со дня смерти Фазилия Искандера — 31 июля 2016.

и полководец, о котором он рассказывал, был грозный полководец. Чик <...> прислушивается <...>: ничего смешного! <...> Скоро урок кончится, а Чик ничего не поймет!

И вдруг его осенило! Очень уж горячо учитель истории рассказывал о греческом полководце! А сам по национальности грек! Своих нахваливает, своих! — вот что означали улыбки и кивки Севы.

И в самом деле <...> о полководцах других древних народов он так горячо не говорил. Ну, там Дарий, Цезарь, Ганнибал. Было от чего погорячиться, но там он что-то не слишком горячился <...>

А ребята <...>, конечно, знали, что учитель грек, но им и в голову не приходило, что он болеет за древнегреческого полководца. Очень уж далеко это было! Но он был грек и болел за древнегреческого полководца.²

И тут меня тоже осенило: в глаза бросилась параллель между школьным историком и самим Искандером, «болеющим» в «Пирах Валтасара» — за «своего» Дария.

Что мне в глаза не бросилось (но бросилось моему любимому корреспонденту) — это что у эпизода с историком есть классический подтекст:

«Рассказы о Чике» <...> наполнены явными и скрытыми отсылками к школьной русской классике, и портрет учителя истории — реминисценция из «Ревизора»:

«Г о р о д н и ч и й. <...> должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова <...>, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. <...> ...ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хватить стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?»³

Переключка тем очевиднее, что, акцентируя горячность учителя (*Очень уж горячо учитель истории рассказывал о греческом полководце! <...> ...о полководцах других древних народов он так горячо не говорил. <...> Было от чего погорячиться, но там он что-то не слишком горячился*), Чик, а за его спиной Искандер, вторит гоголевскому городничему (...*объясняет с таким жаром... <...> Я думал, что пожар, ей-богу!*).

В чем же функция этой отсылки? Думаю, что она не сводится ни к общехудожественной опоре на классику, ни к более специфической, но тоже типовой задаче «нанесения литературы малого народа на литературную карту мира»⁴, а имеет еще и совершенно особый, искандеровский привкус.

По ходу непосредственного сюжета Чик обнаруживает, вслед за своим одноклассником Севой, неожиданную — недоступную другим *ребятам* — связь между национальностью учителя и национальностью полководца. Связь наглядную, интригующую, однако не обязательно каузальную. Факт — что, *когда* грек говорит о греке, он горячится. Но *потому* ли (propter hoc?) он горячится, что они оба греки, остается заманчивой — мальчишеской — гипотезой.

К неожиданному открытию подталкивает и интертекстуальный поворот сюжета, возникающий из переключки с «Ревизором». Полководца городничий и Гоголь (в отличие от искандеровского рассказчика) называют

по имени, а вот о национальности учителя умалчивают. Не должны ли мы — в свете урока истории в мухусской школе — заключить, что он тоже был грек? И тогда уже не абхазскому школьнику (Чику) придется попевать за русским (Севой), а русскому классику (Гоголю) учиться у абхазского (Искандера).

Этакий пир великолепных догадок, на который приятно почувствовать себя приглашенным. Причем пир типично искандеровский, «театрально-семиотический», поскольку

...целый слой мотивов в прозе Искандера образует своеобразный театр мимики и жеста. Его персонажи <...> разыгрывают друг перед другом сложные сценические этюды <...> говорят не столько то <...> что есть на самом деле, сколько то, что заставит собеседника прийти к желанному для говорящего выводу. <...> Текст насыщается <...> разнообразной лексикой «понимания». Читая Искандера, мы погружаемся в мир напряженного семиотического взаимодействия.⁵

Резюмируем этот метакогнитивный сценарий:

Сева своими улыбками подначивает Чика разгадать шараду, невольно разыгрываемую учителем истории, а им, Севой, видимо, уже разгаданную.

Чику это, правда, не сразу, но вроде бы удастся, и мы, читатели, разделяем его успех, по-кольриджевски воздерживаясь от недоверия (*suspense of disbelief*) к причинно-следственному истолкованию горячности одного грека по поводу подвигов другого.

Вскоре — или после небольшой задержки и с подсказки более пронизательного читателя — мы припоминаем, что где-то, а именно в «Ревизоре», мы нечто похожее уже читали.

И тогда, кто попроницательней, делаем следующий дерзкий шаг: заключаем, что тем самым Искандер задал нам еще и мета-интертекстуальную шараду о гоголевском учителе истории.

Сформулировав ее, мы быстро — по аналогии с предыдущей — ее решаем.

У читателя (этих строк) может возникнуть недоуменный, если не возмущенный вопрос: не слишком много ли в этих построениях выдумки? (Или, как писал Александр Раскин, пародируя Евгения Евтушенко, «А это все не липовое?».)⁶ Попробуем разобраться.

Начнем с учителя истории. Не выдумка ли он и его горячность по поводу Александра Македонского, особенно ввиду переключки с «Ревизором»? А ведь чем текст литературнее, интертекстуальнее, тем он шикарнее, но тем и сомнительнее в смысле достоверности.

Перейдем к Севе. Да был ли мальчик-то?! Ведь, рассуждая структурно, Сева нужен Искандеру лишь для того, чтобы оттенить исходную недогадливость Чика и драматизировать игру в загадки.

Ну, на самом деле не только. Своими заговорщическими улыбочками Чик и Сева перемигиваются еще с одним текстом школьной программы:

Все нашли, что мы говорим вздор, а, право, из них никто ничего умнее этого не сказал. С этой минуты мы отличили в толпе друг друга. Мы часто сходились вместе и толковали вдвоем об отвлеченных предметах очень серьезно, пока не замечали оба, что мы взаимно друг друга морочим. Тогда, посмотрев значительно

друг другу в глаза, как делали римские авгуры, по словам Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились довольные своим вечером.⁷

Мы — это, конечно, Печорин и Вернер (где Пушкин и Гоголь, там жди и Лермонтова). Кстати, те же *авгуры* есть у Пушкина, на них указывает в книжке о древнем Риме М. Л. Гаспаров:

Римляне славились <...> неслышанным даже в древности суеверием. <...> Теперь можно сказать, какие в Риме были гадатели. Их было две коллегии — авгуры и гаруспики.

Авуры гадали по птицам. <...> Если птицы появлялись слева, с востока, это считалось хорошо, если с запада — плохо. <...>

Плутовство здесь было обычным. Подчас римляне дивились, как может авгур на авгура смотреть без смеха. «Смех авгуров» стал поговоркой о людях, которые знают кое-что о проделках друг друга.

Святая дружба, глас природы.
Взглянув друг на друга потом,
Как Цицероновы авгуры,
Мы рассмеялись тайком...

(А. С. Пушкин. *Черновые строфы к «Путешествию Онегина»*)⁸

Впрочем, сами римляне чаще упоминали в этой поговорке не авгуров, а гаруспиков — гадателей по внутренностям животных.⁹

Наконец, проблематичны и обе «разгадки» — как горячности искандеровского учителя истории, так и тем более национальности гоголевского.

Речь ведется об истории и автобиографии, то есть, по идее, о подлинных лицах и событиях, а получается, что, о чем ни спросишь, в природе ничего вроде и нет. Но что точно есть, так это любовь Искандера к загадкам-разгадкам, театральности и, last but not least, мотиву этнической идентификации с великими предками. Учитель-грек болеет за древнего грека (= Александра), а перс Искандер за древнего перса (= библейского Дария, вернее, если держаться исторических фактов, за тоже перса, Кира II Великого, исторического победителя Валтасара и покорителя Вавилона, 539 год до н. э.).

А два пересмешника (Сева и Чик) подражают римско-лермонтовским авгурам — правда, не по этнической линии, а по литературно-классической и «театральной». Причем их побочные перемигивания служат предвестием переглядываний Чика с режиссером школьного спектакля (еще один театр!¹⁰) в основной фабульной коллизии рассказа:

После Чика еще двое мальчиков <...> читали стихи и басни. Но это было жалкое зрелище. Евгений Дмитриевич во время их чтения несколько раз находил глазами Чика и, качая головой, смотрел на него, как Посвященный на Посвященного. Чик <у...> ужасно понравилась эти взгляды. Чик давно заметил, что так переглядываются интеллигентные люди, когда другие люди <...> начинают умничать и рассуждать.

<...Евгений Дмитриевич> радостно клеткотнул и не забыл посмотреть на него, как Посвященный на Посвященного. Чик с удовольствием принял этот взгляд

и ответил ему таким же. Это было все равно как с Севою <!>. Только там дело касалось смешного, а тут искусства. А в остальном одно и то же. <...>

Чик <...> поправлял чтеца, стараясь <...> переглянуться с Евгением Дмитриевичем взглядом, подтверждающим правильность его, Чика, Посвященности. Евгений Дмитриевич отвечал <...> несколько утомленными, но не отвергающими Посвященность Чика взглядами. <...>

Пока еще разучивали текст <...> он продолжал переглядываться с Евгением Дмитриевичем взглядом Посвященного. Этот взгляд <...> Чик <...> ухитрялся распространять даже на постановку старшеклассников <...>.

Чик почувствовал бездарность своего исполнения, однако все еще <...> продолжал бросать на Евгения Дмитриевича уже давно безответные взгляды Посвященного. В конце концов Евгений Дмитриевич не выдержал и на один из Посвященных взглядов Чика так клекотнул ему навстречу, что Чик вынужден был погасить в своих глазах это приятное выражение.

Типично авгурские переглядывания Посвященных даются с самого начала в ироническом ключе, и их серия заканчивается позорной деавгуризацией героя. Следует сказать, что Цицерон, сам принадлежавший к сословию авгуров, в своей книге «О гадании» принимает их методы дивинации вполне всерьез и лишь однажды походя (и со ссылкой на авторитет) бросает саркастическое замечание по адресу гаруспиков, легшее в основу русского мема о смехе авгуров:

XXIV. Хорошо известны давние слова Катона, который говорил, что удивляется, как может удерживаться от смеха один гаруспик, когда смотрит на другого.¹¹

Заметим, что и тут гаруспики не смеются (собственно, даже неясно, улыбаются ли), а лишь предположительно еле удерживаются от смеха!

Но и это еще не всё.

«Древнегреческого полководца» отличает в рассказе не только горячность, с которой о нем рассказывает грек-учитель, но и полная анонимность, особенно рядом с называемыми по именам Цезарем, Дарием и Ганнибалом. Ответственность за это вряд ли можно возложить на учителя, обязанного вдалбливать ученикам имена исторических лиц, и, значит, ее следует отнести целиком на счет автора. Что, однако, за странное табу? Или, может, не такое и странное, если увидеть в нем еще одну искандеровскую загадку?

Дело в том, что Искандер был своего рода тезкой Александра (Македонского/ Великого), имя которого в персидском и, шире, мусульманском мире звучало как Искандер/Искандар/Аль-Эксандер, что, конечно, не пустяк для автора, склонного «болеть за своих». В какой же мере великий македонец мог быть «своим» для нашего полуабхазца-полуперса? Оказывается, в немалой.

Начать хотя бы с этих «полу-». Александр¹² был лишь наполовину — по отцу, царю Филиппу II, македонцем, а наполовину — по матери, Олимпиаде, эфирцем, что, с македонской точки зрения, отчасти подрывало его право на престол. А в каком-то смысле не вполне престижной была и сама его македонскость, поскольку при Филиппе II Македония только еще начинала обретать вес на общегреческой сцене. Македонцы были как бы «малой нацией», одной из младших ветвей греческой цивилизации.

Но Александр смолоду верил в свою звезду, вдохновляясь, в частности, гомеровским образом Ахилла (он любил перечитывать «Илиаду»), к которому, по преданию, восходил род его матери. А отец и тут не уступал матери и даже превосходил ее: его династию (Аргеадов) античные историки причисляли к потомкам Геракла.

В общем, недостатки происхождения Александра с лихвой компенсировались возможностями отождествления с великими «своими», что могло повести — и чудесным образом повело — к нанесению этой половинчатой и исходно периферийной фигуры на историческую, географическую, а главное, литературно-мифологическую карту мира. Упоминание о чудесах и мифах не должно нас настораживать, поскольку в образе Александра (и его позднейшем восприятии, в частности, надо полагать, Искандером) вымысел многообразно переплетается с фактами. Да и в рассказе о Чике, как мы видели, отделять одно от другого получается не очень.¹³

Так или иначе, полумакедонец-полуэпирец, но в сумме все-таки македонский царь, он же полумакедонец-полугрек, а в сумме «древнегреческий полководец», вскоре оборачивается и полуперсом. Победив заклятых врагов Греции — персов, он не просто покоряет их, а становится преемником правившей ими династии Ахеменидов (всех этих Киров, Дариев и Артаксерксов). Более того, он берет в жены трех иранских принцесс: двух персидских — Статиру, дочь разбитого им Дария III, и Парисатиду, дочь Артаксеркса III, — и одну бактрийскую (или согдианскую) — Роксану. Таковы более или менее исторические факты, а согласно некоторым персидским литературным версиям (включая «Шахнаме» Фирдоуси), Александр был и в буквальном смысле полуперсом — сыном Дараба (Дария II?) и Нахид, дочери Филиппа II, и тем самым двоюродным братом Дария III и законным претендентом на персидский трон.

Как если бы этого было мало, в персидской/мусульманской традиции Александр, под именем Искандера Двурогого, отождествляется с коранической фигурой Зу-л-Карнайна, магического обладателя двух рогов и властелина двух миров (Востока и Запада).¹⁴ Впрочем, согласно другому толкованию, Зу-л-Карнайн — не македонец/грек Александр, а перс Кир II Великий.

Получается внушительная глосса, наносящая автора на все возможные карты и естественно вызывающая о табуировании¹⁵: Чик = Фазиль Искандер = Искандер Двурогий = Александр Великий = Кир Великий = Дарий Великий = Пушкин (то есть некоторым образом и Ганнибал).

Вы спросите: откуда Пушкин? Ну, во-первых, это еще один великий Александр; во-вторых, название рассказа — «Чик и Пушкин»; в-третьих, имя самого знаменитого персонажа Искандера — дядя Сандро (то есть Александр); в-четвертых, этот дядя (а у Искандера есть и рассказ под названием «Мой дядя самых честных правил»), перехитрив в «Пирах Валтасара» самого Сталина, поздравляет себя с этим по-пушкински: «Ай да Сандро, думал дядя Сандро» — не забудем, что «ай да Пушкин, ай да сукин сын!» было сказано автором¹⁶ по поводу его исторической (!) драмы «Борис Годунов», в которой он задействовал аж двух «своих»: Гаврилу Пушкина, реального, и, до кучи, Афанасия Пушкина, вымышленного.¹⁷

Кстати, в-пятых, *Фазиль* по-персидски (из арабского) значит: «образованный, начитанный».

Р. С. Переписываю виньетку по третьему разу, а конца не видно. Любимые читатели ее обсуждают, подправляют, дополняют, но говорят, что никакая это не виньетка, а типичная статья с неизбежными сложностями, длиннотами и занудствами. Я и сам это чувствую — отсюда и половинчатый подзаголовок, и черты интеллектуальной недостаточности, старательно вносимые мной в свой авторский образ, и обыгрывание сомнительности всей серии рискованных догадок. Но чего-то виньеточного все равно не хватает — собственно, главного: личной вовлеченности автора-мемуариста в сюжет.¹⁸ Ладно, попробую.

С Искандером я виделся дважды. Первый раз, когда впервые писал о «Пирах Валтасара», соотнося их с «вальтер-скоттовской» парадигмой у Пушкина и Толстого¹⁹, и жаждал из его уст услышать признание в любви к обоим классикам. Это было 31 мая 1999 года у него дома (если не ошибаюсь, у метро «Аэропорт»), куда я проник по протекции общего знакомого, своего давнего университетского приятеля Стасика Рассадина.

Искандер был очень занят — он работал сразу с двумя редакторшами: в одном углу кабинета с одной — над новейшей публикацией, в другом с другой — над собранием сочинений. Для меня времени у него практически не было, и я неопределенно болтался по комнате, заглядывая туда и сюда. Вырвавшись ко мне на пару минут, Искандер охотно подтвердил мое предположение. К тому же на столе у него я обнаружил открытый том Толстого. А позднее прочел о том, как он любил слушать чтение «Капитанской дочери» любимой учительницей Александрой Ивановной.²⁰

Но реального общения, в общем, не произошло, и при второй, последней, встрече, 10 июля 2010 года, о первой я даже не упомянул. У меня тогда как раз вышла в «Звезде» статья о «Пантомимах», и я мечтал преподнести ее Искандеру — и вообще как-то прикоснуться к любимому автору. Посредником на этот раз послужил Дима Быков, который обо всем договорился и сам привез нас с Ладой на переделкинскую дачу.

Искандер был в то время уже серьезно болен, говорил и писал с трудом, во всем опирался на жену Антонину Михайловну Хлебникову-Искандер, но был очень гостеприимен и внимателен. Мы просидели около часа, что-то съели и выпили, и он подарил мне свою новую книгу «Золото Вильгельма. Повести и рассказы» (М., 2010), очень толстую (640 с.), но неожиданно легкую, ибо напечатанную на какой-то сверхпрогрессивной бумаге, — Искандер демонстративно взвесил и подбросил ее на ладони.

После этого визита у нас завязалась своеобразная квазипереписка: очередные варианты статей (о «Летним днем» и о «Пирах...») я слал на электронный адрес их сына Александра (!), тот их любезно распечатывал, а ответные соображения автора я выслушивал в передаче Антонины Михайловны, звоня ей из Калифорнии по телефону. Статьи Искандеру нравились, особенно анализ тонкостей эзоповской техники в «Летним днем».

Таковы факты, но для занимающей нас здесь темы они не дают почти ничего. Кроме разве что свидетельства о моем тяготении к «великому», вполне банальном — без попыток самоотождествления с ним как со «своим».

Впрочем, если покопаться, то окажется, что такие попытки были, были. Их, этих попыток, было как минимум три, и я даже немного о них писал.

Первая состояла в том, что еще за десяток с лишним лет до публикации «Летним днем» (1969) описанная там ситуация вербовки в осведомители имела место в моей собственной жизни. Правда, как я потом установил, с самим Искандером подобного не происходило, а было почерпнуто им из опыта Станислава Рассадина и Корнея Чуковского.²¹ Но факт остается фактом, Искандер не просто, как водится в литературе, заставил меня, читателя, пережить прочитанное, а, сам того не зная, написал в буквальном смысле «про меня». И я законно почувствовал, что мы как бы «свои».

О второй я вспомнил, занимаясь «Рассказом о море». Оказалось, что я учился плавать во многом так же, как автобиографический герой этого рассказа, причем свои неудачные потуги описал раньше, чем прочел рассказ²², а окончательно научился — в том же Черном море, что и он, более того, в Лидзаве, совсем недалеко от Сухуми, то есть вошел чуть ли не в ту же воду.²³

Третья попытка была уже не чисто житейская, а отчасти с претензией на литературность, чтобы не сказать на соавторство, в чем я задним числом охотно — скромность паче гордости — признался. Разбирая рассказ «Богатый портной и другие»²⁴, я обнаружил, что одно любимое место я привык цитировать неточно.

<Рассказ> сразу запомнился, особенно эпизод препирательства между двумя участниками 30-х годов — успешным подпольным портным Суреном и неудачливым лоточником Алиханом, а в нем — реплика богатого портного: «Не ври, не может быть, чтобы было так приятно!» <...>

Читатель, наверно, заметил, что врезавшаяся мне в память реплика портного на самом деле звучит иначе: не «Не ври...», а «Не притворяйся...». Но запомнилась — и 40 лет помнилась — она именно так. И перечитывая рассказ, я был разочарован и даже решил проверить, не стояло ли в журнальном тексте 1970 года «Не ври». Но оказалось, что нет — и там было «Не притворяйся».²⁵

Формально это, конечно, правильно: Алихан именно притворяется, а не врет, поскольку паралингвистические стоны и даже междометия не образуют словесного высказывания — суждения, которое может быть истиной или ложью. Но должен ли Богатый Портной держаться формальной логики? Почему бы ему, Фазиль Абдулович, не зарваться еще больше и не обвинить Алихана во лжи?!

На этой театральной ноте сопричастности с любимым автором, пожалуй, закончу.

Так прямо и написал, «сопричастности». Кстати, Дима Быков, дочитав до этого места, спросил: «А с кем вы, Алик, себя больше отождествляете — с Искандером или с Аксеновым, вы ведь писали об обоих?»

Я затруднился ответить. Раньше я бы, не думая, сказал, что с Аксеновым, — у меня есть даже целое сочинение на эту тему.²⁶ А теперь не знаю.

Потому, может быть, что с Искандером мы еще и «братья во Александре». Это имя было включено в еврейский именовослов в память о том, что Александр Македонский неплохо обошелся с иудеями во время завоевания Египта.²⁷ И там, где с ними обходятся похуже, оно по-эзоповски звучит как полугойское, а полу- все-таки еврейское.

Разделял ли Искандер подобные антропонимические выкладки, не знаю, спросить не решился. Но вот как он надписал мне свою книгу: «Дорогому Александру — братски. ФАИскандер. 10.7.2010. Переделкино». Очень крупно и скупно — писать ему, как я сказал, было трудно. В этом братски симметричном приравнении двух вариантов одного имени мне видится продуманный дизайн (привожу факсимиле):

Handwritten inscription in cursive: "Дорогому Александру - братски. ФАИскандер 10.7.2010. Переделкино."

Я спросил Быкова, что он об этом думает. Может, Искандер всем так надписывал? Дима ответил, нет, не всем, ему, Быкову, он надписал: «С любовью...» А вот Александру Кушнеру — таки да, «братски»!

Ну, теперь, наверно, уже всё. Хотя получилась, конечно, не виньетка и даже не статья, а своего рода небольшой симпозиум во время чумы с значным участием дорогих коллег.

¹ Жолковский А. К. Фазиль-американец // Жолковский А. К. Поэтика за чайным столом и другие разборы. М., 2014. С. 438—453. С. 450 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2011/5/fazil-amerikanecz.html>); а также: Жолковский А. К. Семиотика власти и власть семиотики: «Пиры Валтасара» Фазиля Искандера // Жолковский А. К. Выбранные места, или Сюжеты разных лет. М., 2016. С. 503—536. С. 535—536 (<https://magazines.gorky.media/zvezda/2015/10/semiotika-vlasti-i-vlast-semiotiki.html>).

² Искандер Ф. Детство Чика. Рассказы. М., 1994 (http://lib.ru/FISKANDER/isk_rassk3.txt_with-big-pictures.html#5).

³ Имейл Михаила Безродного ко мне (19 апреля 2023); приводится реплика городничего, обращенная к зрителю училищ Хлопову («Ревизор». I. 1).

⁴ Об этом см.: Панова Л. Как Чегем был нанесен на литературную карту мира: к интертекстам Саги о Сандро // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2019. № 4. С. 42—56 (<https://litinstitut.ru/content/2019-no4>).

⁵ Жолковский А. К. Пантомимы Фазиля Искандера // Жолковский А. К. Очные ставки с властителем. М., 2011. С. 321—333, 558—567. С. 323. (<https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/6/pantomimy-fazilya-iskandera.html>).

⁶ Раскин А. Е. Евтушенко. Не первая мешанская // Раскин А. Очерки и почерки. Пародии. Фельетоны. Эпиграммы. М., 1962. С. 62—63 (<https://e-knigi.com/yumor/prochij-yumor/page-7-228229-aleksandr-raskin-ocherki-i-pocherki.html>).

⁷ Спешу признать с улыбкой хмурой, что это пришло в голову не мне, а моей любимой корреспондентке В. А. Мильчиной (имейлы ко мне от 26 и 30 апреля 2023).

⁸ Текст на этот раз не хрестоматийный, но Искандер был с детства очень начитан.

⁹ Гаспаров М. Капитолийская волчица. Рим до цезарей. М., 2008. См. раздел «Римские суеверия» (http://www.sno.pro1.ru/lib/school/gasparov_rim_do_cezarey/19.htm).

¹⁰ Анализ сюжета о постановке этого спектакля в рассказе «Чик и Пушкин» (и в его раннем варианте «Мученики сцены») был посвящен доклад Олега Лекманова на Гаспаровских чтениях (15 апреля 2023), подтолкнувший меня заняться настоящим разбором, ознакомившись с которым Олег указал мне (имейл от 30 апреля 2023) еще и на игры юного искандеровского героя с его сверстниками в Чапаева (см. «Стоянку человека» и «Время по часам») и на реплику самого Чапаева в знаменитом фильме (1934):

Ч а п а е в. Македонский великий полководец, но зачем же табуретки ломать?
(<https://www.youtube.com/watch?v=8SsTewi7kp4>).

¹¹ Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты / Ред.-сост. Г. Г. Майоров; пер. и коммент. М. И. Рижского. М., 1985; см.: «О дивинации». Книга вторая (<http://ancientrome.ru/antlitrg/t.htm?a=1407678638#166>).

¹² Об Александре см.: *Walbank F. W. Alexander the Great, King of Macedonia* // *Encyclopedia Britannica* (<https://www.britannica.com/biography/Alexander-the-Great>); *Alexander the Great* (https://en.wikipedia.org/wiki/Alexander_the_Great).

¹³ О персидских версиях жизни и личности Александра см.: *Hanaway W. Eskandar-Nāma* // *Encyclopaedia Iranica* / Ed. Ehsan Yarshater. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers, 1998. Vol. VIII. Fasc. 6. P. 609—612 (https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopaedia-iranica-online/eskandar-nama-COM_9256#).

¹⁴ *Пиотровский М. Зу-л-Карнайн* // *Ислам. Энциклопедический словарь*. М., 1991. С. 78—79 (http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/islam/d_islam_1991_166_piotrovsky.pdf).

¹⁵ Ср.: *Безродный М.* Об одном приеме художественного имяупотребления (*Nomina sunt odiosa*) // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Сб. статей. / Сост. Е. Пермяков и другие. Тарту, 1992. С. 210—217 (https://imwerden.de/pdf/v_chest_70-letiya_lotmana_1992__ocr.pdf).

¹⁶ Письмо П. А. Вяземскому. Около 7 ноября 1825 // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 10. Письма. Л., 1979. С. 146 (https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1825/1355_172.htm).

¹⁷ См. комментарий Г. О. Винокура к «Борису Годунову» в: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 7. Драматические произведения / Ред. Д. П. Якубович. Л., 1935. С. 385—505. С. 463 (<http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/p07/p072365-.htm?cmd=p>).

¹⁸ См. об этом в «Справке», предпосланной мной «Эросипеду» (М., 2003), а затем и «Напрасным совершенствам» (М., 2015).

¹⁹ *Жолковский А. К.* Очные ставки с властителем. Из истории одной пушкинской парадигмы // *Жолковский А. К.* Очные ставки с властителем. С. 115—138, 498—512.

²⁰ См. тот же рассказ, «Чик и Пушкин», и другой, так и названный: «Александра (!) Ивановна».

²¹ *Жолковский А. К.* «Летним днем»: эзоповский шедевр Фазиля Искандера // *Жолковский А. К.* Блуждающие сны. Статьи разных лет. СПб., 2016. С. 181—202, 443—446. С. 199—201 (https://magazines.gorky.media/novyj_mi/2015/4/letnim-dnem.html); а также см. виньетку «Выбранные места из переписки с Хемингуэем» и эссе «Из истории вчерашнего дня» (*Жолковский А. К.* Эросипед. С. 275—280, 114—115).

²² См. рассказ «На пляже и потом» (*Жолковский А. К.* НРЗБ. Рассказы. М., 1991. С. 88 (<https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/mari/>)); *Жолковский А. К.* Пантомимы Фазиля Искандера. С. 329—330.

²³ *Жолковский А. К.* Пантомимы Фазиля Искандера. С. 330.

²⁴ Там же. С. 330—332.

²⁵ Там же. С. 330 (только в книжном издании).

²⁶ *Жолковский А. К.* Быть знаменитым... // *Жолковский А. К.* Поэтика за чайным столом и другие разборы. С. 723—730.

²⁷ *Shurpin Yehuda.* Why Is Alexander a Jewish Name? (https://www.chabad.org/library/article_cdo/aid/4992830/jewish/Why-Is-Alexander-a-Jewish-Name.htm).